

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

А.А. Столяров

ГАЙ МУЗОНИЙ РУФ (ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ РИМСКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА ЭПОХИ КЛАВДИЕВ И ФЛАВИЕВ)

Столяров Александр Арнольдович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: a.stoliarov@mail.ru

Гай Музоний Руф – римский философ-стоик I в. н. э., мало известный отечественной аудитории, но стоящий в одном ряду с Сенекой, Гиероклом, Эпиктетом (учеником Музония) и Марком Аврелием. Начав занятия философией в Риме во время правления Нерона, в 65 году н. э. он был изгнан, вернулся в Рим после прихода к власти Гальбы; в 70-х годах вновь был изгнан и вернулся после смерти Веспасиана. Как и другие представители Поздней Стои, Музоний уделял основное внимание не теоретическим сторонам стоической доктрины, а практической этике – так называемой паренетике, или моралистике, оказавшей большое влияние на европейское моральное философствование. Музоний советует, как вести себя в конкретных жизненных ситуациях, и исходит из позитивного предположения, что человек наделен склонностью к добродетельной жизни и способностью к добру. Цель данной статьи – рассмотреть жизнь и учение Музония в контексте событий римской истории и общественной жизни: это позволяет составить более полное представление как о личности и идеях Музония (а также о причинах их влиятельности), так и об историко-культурном фоне римского и, в частности, стоического философствования I в. н. э. Типичный римский интеллигент, Музоний внес свой вклад в формирование того образа достойной жизни, который доминировал в европейском сознании почти во все времена, и личным примером подтвердил преданность тем принципам, которые считал верными.

Ключевые слова: римская история, стоическая философия, Поздняя Стоя, практическая этика, Сенека, Гиерокл, Эпиктет, Марк Аврелий

В огромном авторитарном государстве, каким была Римская империя I в. н. э., дистанция между верховной властью и рядовым обывателем была столь же огромной. Но в Римской империи сложилась весьма заметная социально-культурная прослойка, которую мы можем, на наш лад, назвать римской интеллигенцией.

Под интеллигентом хотелось бы понимать интеллектуала, способного к рефлексии, выходящей за рамки его узких занятий, то есть склонного размышлять в числе прочего об устройении жизни и ее нравственной цели.

Например, Гален был по специальности врачом и при этом лейб-медиком Марка Аврелия, но обладал широкими научно-философскими интересами. Поэтому замкнутых только на своей профессии узких специалистов, каких в империи было, естественно, много, – например, в области военного дела, медицины, сельского хозяйства или строительства, – к интеллигенции мы в данном случае относить не станем.

Прослойка интеллектуалов-интеллигентов была достаточно стратифицированной. Верхушку составляли люди высоких дарований – ученые, литераторы, философы, историки и так далее. Ее представители, как правило, обладали определенным сословным статусом и не бедствовали. Одни, будучи вполне обеспеченными, предпочитали оставаться интеллигентами в чистом виде и не связывать себя с государственной службой. Другие, будучи не менее обеспеченными, хотели сделать посильную карьеру и добиться более заметного положения в обществе. Но если они и состояли на государственной службе, то все равно отличались свободомыслием и склонностью к отвлеченным умственным занятиям. Некоторые поднимались довольно высоко – как, например, Плиний Старший и Плиний Младший. Первый, адмирал и собиратель всевозможных знаний, погиб при извержении Везувия в 79 году; второй, племянник первого, даровитый ритор и бытописатель, был способным администратором и занимал высокие должности при императоре Траяне. Считанные, как Сенека или Петроний, обретались уже у самого трона, но порой и кончали печально. Многим довелось отделаться только ссылкой, и в остальном они (как и большинство других, не попавших даже в ссылку) занимали положение достаточно скромное.

К этой последней группе мы, пожалуй, и отнесем Музония Руфа – человека не первостепенно знаменитого, но и небезызвестного, не хватавшего крупных звезд с небес, но и не бесталанного, не богатого, но и не бедного – одного из тех многих, кто, обретя жизненный опыт, видимо, впредь руководствовался известной рекомендацией Овидия: *medio tutissimus ibis* (Метаморфозы II 137) – и свидетельствовал о ее верности.

Биографические сведения о Музонии нельзя назвать скудными. Они происходят из источников разной степени надежности, но в совокупности позволяют составить достаточно цельную картину. Эта картина имеет тем большую важность для нашего замысла, что соотносительная весомость идей и личности нашего героя оказывается почти идеально сбалансированной: идеи и жизнь их автора не отодвигают друг друга на второй план. Биография Платона так же тускнеет на фоне его идей, как мысли Александра Македонского бледнеют на фоне его деяний.

Жизненный путь. Подобие связного биографического очерка (очень краткого, не во всем понятного и отчасти ошибочного) мы находим только в словаре «Суда», то есть в источнике очень позднем и не слишком надежном (запись М 1305, Μουζώνιος Καπίτωνος): «Музоний, сын Капитона, этруск, из города Вольсинии, диалектический философ и стоик, жил при Нероне, близкий знакомый Аполлония Тианского и многих других. Говорят, что есть письма от Аполлония к нему и от него к Аполлонию. За откровенные осуждающие речи и свободомыслие Нерон убил его. Ему принадлежат различные философские сочинения и письма»¹. Далее приводится отрывок из письма императора Юлиана, где упоминается Музоний (об этом – ниже).

¹ Сразу же отметим основную ошибку: Нерон не убил Музония, а всего лишь сослал. Возможно, «Суда» повторяет Юстина, который тоже сообщает, что Музоний был убит (Вторая Апология 8).

Полное имя: Гай Музоний Руф. Первое (личное) имя «Гай» приводит только Плиний Младший (Письма III 11, 5; 7); «Музоний Руф» неоднократно встречается у Тацита, «Руф Музоний» у Диона Кассия, а Эпиктет называет его просто «Руфом» (фамильное прозвище: *rufus* – «рыжий», «рыжеволосый»). Имя отца сообщает только «Суда». Род Музония этрусский («Суда»; Тацит. *Анналы* XIV 59; *Филострат*. Жизнь Аполлония Тианского VII 16), а также всаднический (Тацит. *История* III 81), то есть достаточно состоятельный. Дата рождения устанавливается ретроспективно: приблизительно 30 г. н. э. – исходя, в частности, из сообщения Тацита (*Анналы* XV 71), что при Нероне Музоний уже достиг большой известности. О первых тридцати годах его жизни можно только строить предположения, – впрочем, небезосновательные: рос он, надо полагать, в хороших условиях и получил приличное образование.

Впервые Музоний Руф заявил о себе в связи с делом Рубеллия Плавта. Плавт был ровесником Музония, богатым человеком и приверженцем стоической философии. Главное же, он не уступал Нерону по происхождению (из рода Юлиев по материнской линии) и теоретически мог претендовать на трон. Поэтому Нерон усомнился в благонадежности Плавта и в 60 г. предложил ему добровольно-принудительно удалиться в малоазийские имения. Плавт туда и уехал вместе с женой и домочадцами. В 62 г., уже после отставки Сенеки, Нерон решил на всякий случай избавиться от Плавта и послал к нему карательный наряд, который через некоторое время доставил Нерону голову Плавта. Плавта предупреждали об опасности: одни советовали ему бежать, другие, в частности Музоний, – предпочесть мужественную смерть жизни в неуверенности и страхе (обо всем этом подробно сообщает Тацит – *Анналы* XIII 19 сл.; XIV 22; 57 сл.)². Если верить Тациту, то Музоний уже тогда был более твердым стойком, чем Плавт. И, видимо, уже тогда он связал себя с потенциальными политическими противниками Нерона, а именно с тем кругом, который можно назвать стоицизирующей оппозицией. Войдя в него, он, вероятно, еще более упрочил свои стоические убеждения. Но о том, как он к ним пришел, мы ничего не знаем.

Нужно сказать, что этот в значительной мере интеллигентский круг, естественно, не представлял собой чего-то цельного – ни в организационном, ни даже в идейном плане. В нем было немногочисленное и решительно настроенное оппозиционное ядро, окруженное более или менее аморфным слоем сочувствующих, которые, не вынашивая радикальных планов, имели лишь общее желание сменить правителя или, в самых смелых мечтах, восстановить республику. Неформальным лидером оппозиции был, по-видимому, Публий Клодий Тразея Пет (ср. его характеристику у Тацита – *Анналы* XVI 22), консул-суффект 56 года; большой почитатель Катона Утического, он составил его жизнеописание (*Плутарх*. Катон 25; 37). Значительным авторитетом пользовались Сервилий Барей Соран (консул-суффект 52 года, в начале 60-х годов наместник провинции Азия) и его зять Гай Гельвидий Приск. Аморфность этого круга усугублялась еще тем обстоятельством, что не все решительные люди в нем были убежденными стойками, а из убежденных стойков далеко не все были столь решительными людьми, как Лукан. Присутствовали в нем (как почти во всяком таком круге) и личности откровенно сомнительные, например Эгнаций Целер, клиент Барей Сорана, человек ли-

² Можно предположить, что Музоний сопровождал Рубеллия Плавта при отъезде того в ссылку. См. *Lutz C.E. Musonius Rufus, «The Roman Socrates» // Yale Classical Studies. 1947. Vol. 10. P. 14; о работе Лутц см. ниже, примеч. 11.*

цемерный, жадный и распутный; он притворялся стойком, учил своего патрона философии, а затем выступил свидетелем против него (*Тацит. Анналы XVI 32; История IV 10*).

В числе прочих к этому кругу принадлежал Анней Корнут, мифограф, явно симпатизировавший стоицизму. Корнут организовал домашний кружок, который посещали его богатый друг этрусского происхождения Авл Персий Флакк (*Персий. Сатиры V 21 сл.*), уже упомянутый Петроний Арбитр и медик Клавдий Агатурн. После смерти Персия в 62 г. Корнута досталась его библиотека – в том числе около 700 книг Хрисиппа (*Светоний. Персий 6*). У Корнута же учился племянник Сенеки Марк Анней Лукан, убежденный стоик, решительный человек и автор поэмы «Фарсалия», которую можно рассматривать как поэтическую парафразу стоических установок, превращавшихся тогда уже в мировоззренческие клише. Кроме перечисленных можно назвать друга, а возможно, и родственника Сенеки Аннея Серена (адресата ряда «Диалогов»; умер ок. 62 года), грека-стойка Керана, который совместно с Музонием уговаривал Плавта мужественно принять смерть, а также Вергиния Флава (известного ратора и учителя Персия), сосланного вместе с Музонием (*Тацит. Анналы XV 71*). Сенека в силу особой самооценки не считал возможным к кому-либо примыкать.

Не исключено, что из числа непосредственных участников заговора Пизона стоицизму, кроме Лукана, сочувствовали многие – возможно, даже сам Гай Кальпурний Пизон, консул-суффект 48 г.; Тацит, правда, характеризует Пизона как человека легкомысленного, невоздержанного и склонного даже к распутству (*Анналы XV 48*). Что же до заговора, то он, хотя к нему и удалось привлечь некоторых ключевых военных (в том числе префекта преторианцев Фения Руфа и трибуна преторианской когорты Субрия Флава), был скверно организован и вследствие этого раскрыт (апрель 65 г.). Но если бы заговорщики и убили тирана, они смутно представляли, что делать потом: их планы не шли дальше того, чтобы возвести на трон самого Пизона или даже Сенеку.

После раскрытия заговора почти все крупные оппозиционеры, как входившие, так и не входившие в состав заговорщиков, – Сенека, Лукан, Петроний, Тразея, Барей Соран и другие – либо покончили самоубийством (по приказу Нерона или по собственной воле; знаменита сцена приготовления к смерти Тразеи Пета, на которой обрываются «Анналы» Тацита), либо, как Гельвдий Прииск и Музоний, оправлены в ссылку. Эти события подробно изложены Тацитом в «Анналах» (XV–XVI); им же подробно перечислены казненные, покончившие с собой и сосланные (XV 60 сл.).

И вот, вероятно, уже в 65 г. Музоний, возможно, вместе с Вергинием Флавом, был сослан на остров Гиар. О том, что «Нерон заключил Музония на острове Гиар», прямо сообщает только Филострат (*Жизнь Аполлония Тианского VII 16*), источник не слишком надежный. Но совокупность косвенных свидетельств (*Тацит. Анналы XV 71; Лукиан. Смерть Перегриня 18; Юлиан. Письма 16 Bidez*) склоняет в пользу именно такого варианта³. Гиар (нынешний Ярос) – остров площадью немногим более 20 квадратных километров в северной группе Кикладских островов. Тацит (*Анналы III 69*) называл его

³ Поэтому сообщение того же Филострата (V 19), что киник Деметрий увидел Музония, занятого каторжными работами на Истмийском перешейке (и Музоний якобы сказал Деметрию, что не нужно удивляться тому, что он роет землю на Истме: это лучше, чем в Риме петь под кифару Нерона), сомнительно, хотя совершенно исключать такой вариант тоже нельзя (от Гиара до Истма не так уж далеко). И если так, то Музоний какое-то время работал на строительстве канала, который Нерон повелел прорыть на Истме, но потом распорядился работы прекратить (IV 24).

местом диким и суровым. Эпиктет, который там, по-видимому, никогда не бывал, но знал многих, которые бывали, считал ссылку на Гиар крайне жестокой (Беседы I 25, 19 сл.; II 6, 22 сл.; III 24, 113): это никак не высылка в собственную виллу, а ссылка уже серьезная. Возможно, именно об этой своей ссылке Музоний рассказывает сам (фр. IX – см. ниже).

Согласно тому же Филострату (VII 16), греки (из тех, которые любили софистов) приплывали к Музонию на Гиар, только чтобы с ним повидаться. На этом маловодном острове Музоний нашел источник воды и, по словам Юлиана, «забылся о Гиаре, когда Нерон отправил его в изгнание» (Письмо 16 Bidez). Но если Музоний даже и нашел дополнительную воду, то принес пользу, вероятно, только партии таких же ссыльных и себе самому, ибо Гиар был тогда практически необитаемым; Страбон (X 5,3) сообщает, что видел там только маленький поселок рыбаков. Покинуть Гиар Музоний смог после смерти Нерона (который покончил самоубийством в июне 68 года, после очередного выступления преторианцев) – по всей видимости, в конце 68 или в начале 69 года и, возможно, не без ведома Гальбы, ненадолго ставшего императором. На такое предположение наводят слова, переданные Эпиктетом (Беседы III 15,14): узнав о смерти Гальбы, Музоний дал понять, что вовсе не хотел зависеть от его мимолетной милости и не считал кратковременного правителя воплощением промысла.

События в те два года развивались стремительно. Сначала вакантный престол занял испанский легат Сервий Сульпиций Гальба. Но демонстративно аскетичный и реально скупой Гальба не устроил преторианцев; поэтому скоро они провозгласили императором Марка Сальвия Отона (легата Лузитании, ранее примкнувшего к Гальбе). Не устроил Гальба и германские легионы, которые провозгласили императором своего легата Авла Вителлия. 15 января 69 г. Гальба был убит в Риме. Отон имел кое-какие войска при себе и немалые в перспективе, но не успел их собрать. Германские легионы вошли в Италию и разбили Отона под Кремоной, после чего он покончил с собой. Между тем в июле 69 г. легионы, действовавшие в Иудее и Сирии, объявили императором своего легата Тита Флавия Веспасиана. Вскоре его поддержали легионы, которые стояли в Паннонии и Мезии (то есть по среднему и нижнему Дунаю) и не признали Вителлия. Паннонский легат Антоний Прим двинулся в Италию, разбил войска Вителлия почти там же, где Вителлий разбил войска Отона, и пошел на Рим.

Тогда Вителлий послал делегацию к Приму. И тут на сцене вновь появился Музоний, уже вернувшийся в Рим. По словам Тацита, в состав посольства «замешался всадник Музоний Руф, ревностный последователь философов и поклонник стоицизма. Попав в армию вителлианцев, он принялся толковать окружавшим его вооруженным солдатам о благах мира и ужасах войны. Некоторые смеялись, большинству было противно. Его бы, наверное, избили и выгнали, но он вовремя послушался людей, убеждавших его по-хорошему, и, испугавшись сыпавшихся на него со всех сторон угроз, прекратил свои неуместные поучения» (История III 81; перевод Г.С. Кнабе). Чем в данном случае руководствовался Музоний: идеальными миротворческими мотивами или некими более определенными целями – мы не знаем⁴. Так или иначе, помочь делу мира и спасения жизни Вителлия ему не удалось.

В следующем году, когда ставший императором Веспасиан налаживал государственные дела, Музоний начал процесс против Эгнация Целера, обвинив его в том, что тот своими ложными показаниями погубил Барею Сорана.

⁴ Довольно наивной попыткой ответить на этот безответный вопрос является статья: *Olshausen E.* Der Stoiker C. Musonius Rufus – ein Pazifist? Überlegungen zu Tac. Hist. 3,81,1 // *ЮАКН. Festschrift für Jörg Schäfer zum 75. Geburtstag.* Würzburg, 2001. S. 249–255.

Целер, которого защищал уже упомянутый киник Деметрий, дело проиграл. Дальнейшая участь его неизвестна, но вряд ли завидна. Музоний же удостоился похвалы в сенате за то, что добился справедливости (*Тацит. История IV 10; 40*). Некоторое время он пользовался особым расположением Веспасиана. В 71 г. Веспасиан из профилактических соображений выслал философов, в том числе и Деметрия, и только Музония оставил (*Дион Кассий. Римская история LXVI 13, 2*).

Затем сведения о Музонии прерываются на много лет. По всей видимости, из Рима ему вновь пришлось уехать и, вероятно, не по своей воле. Вернулся он при Тите, с которым был в хороших отношениях (*Фемистий. Речи XIII 173с*). «Хроника» Иеронима (214 Олимпиада, 79 год) гласит: «Тит возвращает философа Музония Руфа из изгнания». И тот, и другой источник, конечно, не внушают полного доверия, но в совокупности делают общий вывод весьма вероятным. В «Хронике» сначала говорится о воцарении Тита (он стал императором в конце июня 79 г.), об извержении Везувия (конец августа) и затем о возвращении Музония; следовательно, возвращение произошло, скорее всего, именно в 79 г. и в любом случае при жизни Тита, который умер в сентябре 81 года.

О том, что делал Музоний с начала 70-х гг. до 79 г., мы можем лишь строить предположения. Первое из них связано с сообщением Плиния Младшего. В письме к ритору Юлию Генитору Плиний рассказывает о своем знакомом философе, стоике Артемидоре (иначе не известном), и, в частности, о том, что Музоний выбрал в зятя именно его, хотя имел много кандидатов. В связи с этим он замечает: «Г. Музонием, его тестем, я восторгался и был с ним – в меру своего возраста – близок. С Артемидором меня связывает тесная дружба со времени, когда я в Сирии был военным трибуном» (*Письма III 11,5; пер. М.Е. Сергеенко*).

Из этого письма следует, что в тот момент (нам не известный), когда Музоний избрал Артемидора в зятя, дочь (единственная?) Музония была, видимо, совершеннолетней. Отсюда, в свою очередь, следует, что Музоний, скорее всего, какое-то время состоял в браке (никаких сведений о дочери и жене нет). Также можно предположить, что он был отцом заботливым – ибо тщательно выбирал мужа для дочери, – но не корыстолюбивым (в начале 90-х годов у Артемидора, которого Плиний считает человеком в высшей степени достойным, была небольшая вилла, но в придачу к ней большие долги, – правда, по свидетельству Плиния, сделанные при извинительных обстоятельствах – III 11, 2; 6–7).

Но из этого же письма был сделан вывод, что именно во время второго изгнания Музоний познакомился в Сирии с Плинием, когда тот исполнял обязанности военного трибуна⁵. Плиний, родившийся в 61/62 г., мог стать военным трибуном самое раннее в 81/82 г. (ср. VIII 14, 7), то есть явно после того, как Музоний вернулся из второй ссылки и, скорее всего, уже после смерти Тита. Вторая ссылка Музония и трибунат Плиния хронологически не совпадают. Поэтому Плиний не мог познакомиться с Музонием в Сирии, и слова самого Плиния это только подтверждают. Все говорит о том, что их знакомство произошло несколько позже.

⁵ *Lutz C.E. Musonius Rufus. P. 16: «Probably it was during this second banishment that Pliny met him in Syria where he was spending his year as military tribune». Версию Лутц почти дословно и уже как нечто несомненное повторяет Мари Гуле-Казе: «Se fut certainement au cours de ce second exil que Pline le Jeune qui passait six mois comme tribune militaire en Syrie (en 81) rencontra Musonius (Lettre III 11)» (*Goulet-Cazé M.-O. Musonius Rufus // Dictionnaire des philosophes antiques. T. IV. P., 2005. P. 558*).*

Второй эпизод связан с Грецией. По сообщению Диона Хрисостома (Речи XXXI 122), некий философ-римлянин, будучи в Афинах, порицал афинян за то, что они устраивают кровавые состязания в театре Диониса, предназначенном для религиозных зрелищ. Предположение⁶, что этим человеком был именно Музоний, посетивший Афины во время второго изгнания, ничем подтвердить нельзя.

Очередное изгнание философов при Домициане (о котором упоминает, в частности, Плиний – III 11, 2), Музония, видимо, не коснулось. Причин тому мы не знаем, но нельзя исключать следующее. В тот день, когда сенат в числе прочих дел рассматривал обвинение, выдвинутое Музонием против Публия Эгнация Целера, молодой Домициан впервые присутствовал на заседании. «В день своего первого появления в сенате, – передает Тацит, – Домициан произнес краткую речь. Говорил он главным образом о своей молодости и о том, что отца и брата его нет в Риме, держал себя скромно и достойно, поминутно краснел, и сенаторы, не знавшие еще его нрава, решили, что это от смущения». На том же заседании «сенат решил снова вернуться к рассмотрению дела, возбужденного Музонием Руфом против Публия Целера. Публия осудили, и многое было сделано, чтобы восстановить доброе имя Сорана. День этот... принес лавры и частному человеку: все хвалили Музония за то, что он добился столь справедливого возмездия» (История IV 40; пер. Г.С. Кнабе). Возможно, Домициан связал свое первое появление в сенате с победой Музония, и это отложилось в его сознании.

Последние годы жизни Музоний, по всей видимости, провел в Риме. Дата его смерти неизвестна. Принято считать, что в письме III 11 Плиний говорит о Музонии в прошедшем времени (совершенного вида) как об умершем (С. Musonium... cum admiratione dilexi)⁷. Поскольку письмо по совокупности данных датируется примерно 101 г., этот год и принято считать *terminus ante quem*.

Первое окружение Музония было, как уже говорилось, оппозиционно-стоической средой. Несомненно, что он был дружен с Рубеллием Плавтом, Бареей Сораном и Тразеей Петом. Собственный же круг Музония, возможно, стал складываться в первой ссылке на острове Гиар и после нее вполне оформился. Прежде всего следует назвать Плиния Младшего и его друга (Письма I 9; IV 15; V 16 и др.) Гая Миниция Фундана, консула-суффекта 107 г., проконсула Азии при Адриане (*Плутарх*. О подавлении гнева 2, 453d), и Артемидора, ставшего зятем Музония. Учитель Марка Аврелия Фронтон (О красноречии 4) называет учениками Музония Эвфрата Тирского (талантливого ритора – *Плиний*. Письма I 10; *Эпиктет*. Беседы III 15, 8; IV 8, 17), Тимократа Гераклеяского (умственные способности которого чрезвычайно высоко оценивал Лукиан – *Демонакт* 3), Афинодота (который, возможно, учил самого Фронтонна – *Марк Аврелий* I 13) и даже Диона Хрисостома. Наконец, учениками Музония были Лукий, или Луций (возможно, записавший его лекции), и Поллион (см. ниже). В этот круг (видимо, что-то вроде элитной домашней школы), несомненно, входили и другие, имен которых мы не знаем⁸.

Самым известным учеником Музония был Эпиктет. В «Беседах» (I 7, 32) как недавнее событие упоминается поджог Капитолия – вероятно, это был 69 год; тогда Эпиктет теоретически уже мог учиться у Музония, но, скорее все-

⁶ Hense O. C. Musonii Rufi Reliquiae. Lpz., 1905. P. XXIV; Lutz C.E. Musonius Rufus. P. 17.

⁷ Lutz C.E. Musonius Rufus. P. 18. Впрочем, в таком же прошедшем времени он говорит и об Артемидоре.

⁸ Явно ошибочно предположение Арнольда (*Arnold E.V. Roman Stoicism*. Camb., 1911. P. 117), что в числе учеников Музония мог быть Авл Гелий, поскольку этот последний родился как минимум через 15 лет после смерти Музония.

го, они встретились позже. Эпиктет называет Музония просто «Руфом», и его рассказы не оставляют сомнения в том, что он общался с Музонием близко и долго (Беседы I 1, 27; 7, 32; III 6, 10; 23, 29 и др.). Из видных стоиков того времени младшим современником Музония был Гиерокл; старший современник, Сенека, вероятно, мог знать Музония, но ни словом его не упоминает.

Тексты. Тексты, связанные с именем Музония, в большинстве своем дошли до нас благодаря Стобею. Первую подборку выполнил голландский филолог-классик Якоб Венхейзен Перлкамп⁹. Следующий и самый важный этап – работа известного немецкого филолога-классика Отто Хензе. В 1876–1909 гг. он возглавлял кафедру классической филологии во Фрайбургском университете и выпустил (помимо прочего) вместе с Куртом Вахсмутом нормативное издание Стобея. Фрагменты Музония для Хензе – так сказать, полезный побочный продукт (и не единственный) занятий Стобеем. Это издание, снабженное помимо текстологического также реальным комментарием, указателями и обширной вводной статьей, остается главным ориентиром¹⁰. Скажем, Кора Лутц взяла для своего издания текст Хензе почти без изменений¹¹. Все прочие издания и переводы тоже опираются на издание Хензе¹².

Вот что дошло до нас под именем Музония (нумерация по изданию Хензе):

Название	Источник
I. О том, что не следует использовать многочисленные доказательства для одного вопроса	Стобей
II. [О том, что человек рождается предрасположенным к добродетели] (предположительное название по фразе из самого текста)	Стобей
III. О том, что и женщинам следует заниматься философией	Стобей
IV. О том, следует ли воспитывать дочерей так же, как сыновей	Стобей
V. О том, что сильнее – практический навык или теоретическое рассуждение	Стобей
VI. Об упражнении в добродетели	Стобей
VII. О том, что следует презирать трудности	Стобей
VIII. О том, что и царям следует заниматься философией	Стобей
IX. О том, что изгнание – не зло	Стобей
X. О том, будет ли философ обвинять кого-нибудь в оскорблении	Стобей
XI. О том, на какие средства подобает существовать философу	Стобей

⁹ *Peerlkamp J.V.* C. Musonii Rufi Philosophi Stoici Reliquiae et Apophthegmata. Harlem, 1822. Для своего времени это издание было заметным достижением; о нем с уважением отзывался Отто Хензе (*Hense O. C.* Musonii Rufi Reliquiae. P. XXI). Тираж его был, видимо, столь мал, что в 1901 году Чарльз Паркер, американский филолог-классик, занимавшийся в том числе и Музонием, начал свою статью с сетования на то, что книгу Перлкампа практически невозможно достать, и пожелал скорейшего выхода нового издания (*Parker Ch.P.* Musonius in Clement // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1901. Vol. 12. P. 191). Это новое издание вскоре и выпустил Хензе.

¹⁰ *Hense O.* Op. cit.

¹¹ *Lutz C.E.* Op. cit. Информативную вводную статью (p. 5–30) сопровождает текст фрагментов по изданию Хензе с параллельным английским переводом, весьма лаконичным комментарием и указателем источников.

¹² *Ramelli I.* Musonio Rufo. Diatribe, frammenti e testimonianze: testo Greco a fronte. Milano, 2001 (текст с параллельным итальянским переводом). Переводы (выборочно): *Capelle W.* Epiktet, Teles und Musonius. Zürich, 1948; *Laurenti R.* Musonio Rufo. Le diatribe e i frammenti minori. Roma, 1967; *Festugière A.J.* Deux prédicateurs de l'antiquité. Têles et Musonius // *Bibliothèque des texts philosophiques*. P., 1978. P. 49–147; *Jagu A.* Musonius Rufus. Entretiens et Fragments. Introduction, traduction et commentaire. Hildesheim; N.Y., 1979.

XII. О возбуждении любовной страсти	Стобей
XIII А. В чем суть брака	Стобей
XIII В. В чем суть брака	Стобей
XIV. О том, препятствует ли брак философствованию	Стобей
XV А. О том, следует ли растить каждого рожденного ребенка	Стобей
XV В. О том, следует ли растить каждого рожденного ребенка	Стобей
XVI. О том, следует ли во всем слушаться родителей	Стобей
XVII. О том, как лучше жить в старости	Стобей
XVIII А. О пище	Стобей
XVIII В. О пище	Стобей
XIX. Об одежде и крове	Стобей
XX. Об убранстве дома	Стобей
XXI. О стрижке волос	Стобей
Малые фрагменты	
XXII–XXXV	Стобей
XXXVI–XXXVII	Плутарх
XXXVIII–XLVIII	Эпиктет (частично у Стобея)
XLIX–LII	Авл Гелий
LIII	Элий Аристид

Кроме того, Хензе ради обстоятельности помещает в приложении переписку Музония и Аполлония (четыре коротких послания), приводимую Филостратом (Жизнь Аполлония Тианского IV 46) и упомянутую в «Суде». По общепринятому мнению, они, как и обширное письмо к некоему Панкратиду на предмет воспитания сына последнего, единодушно считаются неподлинными¹³. Перечисленные тексты в издании Хензе занимают чуть больше 140 страниц среднего формата, но если учитывать обширный подстрочный критический аппарат, реальный их объем почти в два раза меньше.

Двадцать один текст – порой пространные, но чаще небольшие морально-наставительные топы в старом и широко распространенном жанре диатрибы. Ему отдали дань киники и ранние стоики, а среди поздних стоиков наибольшее искусство в этом жанре проявили Сенека, Эпиктет и Марк Аврелий. В стоической школе он использовался для изложения практической этики (см. ниже)¹⁴. Три текста присутствуют у Стобея в виде двух самостоятельных частей (и в таком виде их сохраняет Хензе)¹⁵.

¹³ См.: *Goulet-Cazé M.-O.* Musonius Rufus. P. 564.

¹⁴ Подробнее характеризовать этот жанр в данном случае нет смысла. Он обстоятельно рассмотрен как в классических работах общего характера: *Wendland P.* Philo und die kynisch-stoische Diatribe. В., 1895; *Bultmann R.* Der Stil der paulinischen Predigt und die kynisch-stoische Diatribe. Göttingen, 1910; *Oltmann A.* Les Origines de la Diatribe romaine. Lausanne, 1926, – так и в посвященных специально Музоню: *Van Geypenbeek A.C.* Musonius Rufus and Greek Diatribe. Assen, 1963.

¹⁵ Разделение этих топов на две части либо сделано самим Стобеем, либо уже существовало в источнике, которым он пользовался. В числе «папирусов Рендела Харриса» (*The Rendel Harris Papyri / Ed. by J.E. Powell.* Cambridge, 1936) есть текст (предположительно III в. н. э.), соответствующий топу XV А, но с небольшими добавлениями. Из них ясно, что

Малые фрагменты – преимущественно короткие тексты; частично они содержатся у того же Стобея. Помимо отрывочных сентенций, не имеющих собственного органического контекста (XXII–XXXV), Стобей приводит пять фрагментов (XXXVIII–XLVII) под одинаковым названием Ροῦφοῦ ἐκ τῶν Ἐλικτῆτου Περὶ φιλίας (Руф. Выдержки из сочинения Эпиктета «О дружбе»). Их нет в эпиктетовом корпусе Арриана; по предположению Шенкля, они относятся к утраченному разделу «Бесед»¹⁶. Остальные «эпиктетовы» фрагменты Музония (XLI–XLVIII) принадлежат к сохранившемуся тексту «Бесед».

Тексты, сохраненные Плутархом, Авлом Гелием и Элием Аристидом, – краткие рассказы о поступках Музония или обстоятельствах, в которых он произнес те или иные сентенции; Авл Гелий (Аттические ночи XVIII 1, 1 = LI Hense) вспоминает, что учил сентенции Музония в школе. Эти рассказы отличаются по стилю от больших диатриб и, возможно, восходят к одному источнику (об этом ниже).

Итак, перед нами встают два вопроса: 1) дошли ли до нас лекции Музония в его авторской и предназначенной для публикации записи или же в чужом изложении (и какого времени) и 2) на каком языке он их читал.

Есть три сообщения, упоминающие о сочинениях Музония. 1) Евнапий (Жизнеописания философов и софистов II 1, 6) говорит в числе прочего о сочинениях (ὑράγματα) киников и упоминает Музония в одном ряду с известными киниками Деметрием и Мениппом. 2) Письма, приводимые Филостратом (см. выше). 3) «Суда» упоминает философские сочинения и письма.

Первое сообщение явно уводит нас в сторону, ибо неясно, о каком Музонии идет речь (поскольку два упомянутых с ним вместе лица – киники). В двух следующих сообщениях имеется в виду нужный нам Музоний; но упоминаемые Филостратом письма, как уже говорилось, единодушно считаются неподлинными, а сообщение «Суды» имеет слишком общий характер. Поэтому данные сообщения нельзя считать весомым свидетельством того, что Музоний Руф действительно писал нечто с целью публикации; они заслуживают не большего доверия, чем утверждение Эпиктета (Беседы II 1, 32), будто Сократ писал и притом много. Поэтому Хензе заключил: «Насколько мы знаем, сам Музоний никаких сочинений не писал»¹⁷.

К. Лутц обратила внимание на то, что текст IX (Об изгнании) в основе своей похож на письмо, поскольку содержит обращения к некоему «другу». Из этого она сделала два вывода: 1) базовый текст представлял собой письмо, написанное Музонием в ссылке и, вероятно, не предназначавшееся для массовой аудитории; следовательно, 2) письма Музоний несомненно писал¹⁸. Но даже если это верно, данное письмо, как признает сама Лутц, было отредактировано; и если даже в основе некоторых других топов тоже лежат письма, они были отредактированы еще сильнее. Итак, у нас нет веских оснований утверждать, что от Музония дошли сочинения, записанные им лично и предназначенные для публикации.

Если теперь мы рассмотрим вторую возможность, а именно, что его лекции дошли до нас не в авторизованном виде, то кто и когда мог их отредактировать и опубликовать? Почти все тексты, сохранившиеся у Стобея, оза-

данный текст не мог быть началом всего рассуждения. Возможно, что «корпус Музония», которым пользовался Стобей, имел иную структуру, чем та, на которой остановился Хензе. Но общую картину это, разумеется, не меняет.

¹⁶ Schenkl H. Dissertationes ab Arriano digestae. Lpz., 1916. P. XLVIII sq.

¹⁷ Hense O. C. Musonii Rufi Reliquiae. P. XII. Того же мнения придерживался и К. фон Фритц: «О том, что Музоний сам писал и публиковал какие-либо сочинения, сведений нет» (Fritz K. von. Musonius // RE. 1933. Bd. XVI/1. Sp. 894).

¹⁸ Lutz C.E. Musonius Rufus. P. 5, n. 8.

главлены Μουσωνίου ἐκ τοῦ... (Музоний. Из сочинения...) – кроме XXI, где в ряде рукописей имя Музония отсутствует; текст V имеет заглавие Λυκίου ἐκ τῶν Μουσωνίου... (Лукий. Из сочинения Музония...) Кто же этот Лукий/Луций, которому Стобей приписывает изложение текста Музония? Сложившееся «общее мнение»¹⁹ гласит, что Лукий/Луций был тем слушателем Музония, который издал записи его лекций. На такую мысль наводит часто встречающаяся фраза: «Такое мнение тогда высказывал Музоний». Предполагается, что в 65 г. Лукий/Луций тоже мог быть в изгнании на Гиаре – в одно время с Музонием. Впрочем, текст диатрибы IX хоть и наводит на такие мысли²⁰, но ничем не подтверждает, что упомянутый в нем «изгнанник», – это именно Лукий/Луций.

Если все же за неимением лучшего остановиться на этой гипотезе, то в таком случае Лукий/Луций по хронологическим соображениям не может быть тем «мудрым мужем», который, согласно Филострату (Жизнеописания софистов II 1), нечто писал о некоем Музонии Тирском (Тирренском?; Филострат, впрочем, называет Музония и «вавилонянином» – IV 35), был другом Герода Аттика и, соответственно, современником Марка Аврелия. Равным образом, не может он быть и героем Апулея или упомянутым у Симпликия (Комм. к «Категориям» Аристотеля р. 1, 18 Kalblfleisch) автором, предположительно, написавшим комментарии на «Категории» Аристотеля.

Итак, мы можем предположить, что один из слушателей Музония, некий Лукий/Луций, отредактировал и опубликовал его лекции – причем, как мы увидим ниже, эти действия выполнялись, вероятно, со значительными временными интервалами. Никаких возможностей уточнить эту гипотезу у нас нет, и положение здесь принципиально отличается от того несомненного факта, что Арриан издал лекции Эпиктета.

К малым фрагментам Лукий, скорее всего, не имеет никакого отношения, а они (как уже говорилось) могут восходить к одному источнику. Таким источником традиционно считается упоминаемое «Судой» сочинение Ἀπομνημονεύματα Μουσωνίου τοῦ φιλοσόφου. О том, что оно собой представляло, судить трудно. Возможно, это были лекции Музония в отдельной редакции. Столь же возможно, что это были записки или воспоминания о Музонии, содержавшие его изречения и составленные в духе «Воспоминаний» Ксенофонта. «Суда» (s.v. Πωλίων ὁ Ἀσίτιος) ошибочно приписывает авторство Азинию Поллиону, который жил при Августе и никак не мог оставить воспоминания о Музонии. По мнению Хензе, автором следует считать ритора Валерия Поллиона (которого «Суда» называет также Поллионом Александрийским), жившего в правление Адриана и, возможно, тождественного одному из «латинских грамматиков», учивших Марка Аврелия (*Юлий Капитолин*. Марк Аврелий 2, 3)²¹. Фон Фритц и Лутц полагали, что скорее им мог быть Анний Поллион, зять Барей Сорана: он был осужден и сослан в связи с тем же делом Пизона (по словам Тацита, «скорее оговорен, чем изобличен» – *Анналы* XV 71 ср. VI 9; XV 56; XVI 30) в то же время, что и Музоний, почти наверняка знал Музония и, возможно, считал себя лично ему обязанным²². Но кто бы ни был автором этого сочинения, от него почти ничего не осталось.

¹⁹ Goulet-Cazé M.-O. Musonius Rufus. P. 567.

²⁰ Hense O. C. Musonii Rufi Reliquiae. P. XIV; Lutz C.E. Musonius Rufus. P. 8, n. 17.

²¹ Hense O. C. Musonii Rufi Reliquiae. P. XII.

²² Fritz K. von. Musonius. Sp. 896; Lutz C.E. Musonius Rufus. P. 10. Как уже говорилось, Музоний питал симпатию к этому семейству и возбудил процесс против Эгнатия Целера, сделавшего донос на Барею Сорана.

Датировка текстов, естественно, связана с перечисленными выше предположениями. Единственный ориентир – текст VIII. Здесь в самом начале говорится о визите к Музонию сирийского царя и приводится пояснение: «Ибо тогда в Сирии еще были цари, подвластные Риму». Следовательно, потом династия вассальных сирийских правителей прекратила существование, а произошло это в 106 г. Отсюда делается вывод, что текст редактировался после 106 г. При этом Лутц ссылается на Хензе, а Хензе – на фундаментальный труд Марквардта «Административное устройство Римского государства»²³.

Что же произошло в 106 г.? В этом году прекратило существование дружественное Риму Nabateyское царство со столицей в Петре, которое император Траян для удобства преобразовал в римскую провинцию. В начале I в. н. э. правители Петры взяли под свое покровительство Дамаск якобы по просьбе местного населения (*Иосиф Флавий*. Иудейские древности XIII 15, 2). Насколько можно судить по нумизматическим и эпиграфическим данным, собранным французскими археологами (которые в силу национальных интересов работали в Сирии активнее прочих), набатейская династия прервалась в 106 г. на царе Дабеле или Забеле, что и отмечает Марквардт²⁴. Под «сирийскими царями», следовательно, можно понимать правителей Петры и Дамаска. Но вряд ли такой вывод будет безусловно корректным.

Подведем итоги: 1) мы не знаем, писал ли Музоний что-нибудь сам для последующей публикации (вероятно, нет); 2) точно так же у нас нет данных, безусловно свидетельствующих, что его лекции дошли в записи именно того, а не иного Лукия/Луция (или частично в альтернативной редакции того или иного Поллиона); наконец, 3) дата редактирования (кто бы им ни занимался) этих записей может иметь разброс в несколько десятков лет – возможно, в диапазоне 70–120 гг.²⁵. Иными словами, по всем пунктам мы получаем картину весьма приблизительную, ибо не знаем, где и когда именно читалось и записывалось, кем редактировалось и публиковалось. Максимум, что мы представляем, – это за какими хронологическими и просопографическими пределами лекции Музония и их редактор *не находятся* (скорее всего).

Что касается второго вопроса, то все склоняет к предположению, что лекции он читал по-гречески. Среди просвещенной римской публики знание греческого языка было столь же распространено и считалось столь же желательным (или даже обязательным), как знание французского среди просвещенной русской публики в конце XVIII и в первой половине XIX в. В хороших грамматических школах давали такое знание греческого, что, например, Плиний Младший владел им в совершенстве и уже в 14 лет написал по-гречески трагедию (Письма VII 4, 2). Римские интеллигенты говорили и писали по-гречески отнюдь не потому, что то же самое нельзя было понятийно точно и поэтически изящно выразить по-латыни, а, насколько можно судить, из преданности специфическому стилю, то есть из тех соображений, по которым, скажем, Пушкин, Чаадаев и Герцен кое-что важное писали по-французски. В этой связи можно упомянуть, например, такого же интеллигента, как Музоний, – Квинта Секстия, который жил примерно лет на сто раньше. Секстий основал небольшую эклектическую философскую школу (скорее, философ-

²³ Lutz C.E. Musonius Rufus. P. 8, n. 21; Hense O. C. Musonii Rufi Reliquiae. P. XIV.

²⁴ Marquardt J., Mommsen Th. Handbuch der römischer Alterthümer. Bd. IV. Lpz., 1873. S. 246. (Хензе ссылается на отдельное 2-е издание Марквардта.)

²⁵ Поэтому целесообразно принять гипотезу Хензе (р. XV), согласно которой редакция дошедшей версии диатриб была сделана около (скорее всего, после) 110 г., то есть уже после смерти Музония.

ский кружок) и, по словам Сенеки, «писал по-гречески, а думал по-римски» (Письма к Луцилию 59, 7). Еще один пример – просвещенный император Марк Аврелий, которому было бы ничуть не зазорно писать по-латыни.

Кроме того, в те времена перевод с латыни на греческий был редкостью (если не вести речь о цитировании или об официальных распоряжениях), и вряд ли Лукий/Луций переводил лекции Музония с латинского оригинала (тогда, возможно, сохранились бы латинские рукописи). Стобей тоже не занимался переводами с латыни и отбирал для своей «Антологии» только греческие тексты. А вот обратная процедура была распространенным и нормальным явлением; поэтому латинские эссе Авла Гелия вполне укладываются в эту схему.

Мысли. Вернемся к тому жанру, в котором, как уже говорилось, писал Музоний, и соотнесем его с тем разделом стоической этики, который этим жанром пользовался. Школьное название этого раздела – «паренетическая часть», *παραινητικός* (от *παραινέω* – «наставляю», «убеждаю») *τόλος* (*Секст Эмпирик*. Против ученых VII 12); латинский эквивалент – *pars praescriptiva*, *locus monitiones continens* (*Сенека*. Письма к Луцилию 95, 1; 89, 13). «Паренетическая» часть должна толковать о приложении добродетели к конкретным жизненным ситуациям, то есть давать рецепты действий сквозь призму отдельных «обязанностей» и общей нравственной пользы достойной жизни. Хотя в стоической школе были люди, считавшие эту часть совершенно ненужной (в частности, Аристон Хиосский), никто из основателей Стои паренетикой не пренебрег. Паренетическим характером обладало, видимо, Зеноново «Государство»; Хрисипп оставил предписания практически по всем областям жизни – личной, семейной, государственной (SVF III 685–768).

Необходимость и практическую значимость паренетики Сенека объясняет так: «И потом все, что ты говоришь, относится только к мужу совершенному, поднимаемому на вершины человеческого счастья. А к ним приходят медленно; между тем и всякому, не достигшему совершенства, но стремящемуся к нему, нужно показать, какую дорогу избрать в своих поступках. Мудрость, быть может, выберет ее и без вразумления, – она ведь привела уже душу к тому, что та иначе как верным путем не двинется. А кому послабее нужен кто-нибудь идущий впереди: “Этого избегай, делай так”. Кроме того, нельзя ждать, покуда такой человек сам узнает, что лучше всего делать, тем временем он будет блуждать, и заблуждения не допустят его прийти к тому, чтобы ни в ком не нуждаться. Значит, его нужно направлять, пока он не сможет направлять себя сам. Мальчишек учат по прописям: охватив детские пальцы, чужая рука водит ими по изображению букв, потом детям велят подражать образцам, улучшая по ним почерк; так и наша душа получает пользу, обучаясь по прописям. Вот чем доказывается, что вся эта часть философии вовсе не лишняя» (Письма к Луцилию 94, 50–52; перевод С.А. Ошерова). Именно на такую задачу и рассчитаны лекции Музония.

Увещательные сочинения составляли значительную часть наследия Стои, причем для Поздней Стои – подавляющую. Эта «сумма» практической мудрости, будучи самым внешним слоем учения, оказалась наиболее жизнеспособной и долговечной его ипостасью и стала важной основой европейской моралистики. Музоний Руф – конечно, не первостепенный представитель стоической паренетики (Эпиктет и Марк Аврелий, не говоря уже о Сенеке, конечно, выше), но все же представитель достойный и как минимум не уступающий своему младшему современнику Гиероклу. Тематическое сходство между диатрибическими текстами Музония и «Основами этики» Гиерокла

очевидно (последний рассматривает такие темы: как нужно относиться к богам; как нужно относиться к отчизне; о браке; как нужно относиться к родителям; о братолюбии; как нужно относиться к родным; домоводство).

Естественно, много общего у Музония и с Эпиктетом. И для первого, и для второго учение о познании и логика имеют значение лишь в качестве пропедевтики, тренировки мышления, необходимой для того, чтобы давать точные определения, правильно формулировать нравственные понятия и практические рекомендации (*Музоний I; Эпиктет. Беседы I 7; 17; 20*). Но самой корректности логической процедуры умозаключения Музоний, судя по словам Эпиктета, придавал большое значение: «Что же ты сделал? Здесь можно было допустить только одну-единственную ошибку; ее-то ты и допустил. Правда, однажды и я то же самое сказал Руфу, когда он попрекал меня за то, что я не смог указать пропущенную посылку в одном силлогизме: “Уж не такой это проступок, – говорю, – будто я поджег Капитолий”. А он мне: “Дурачок, – говорит, – здесь пропущенное и есть Капитолий”» (*Музоний XLIV = Беседы I 7, 32–33*).

В целом Эпиктет, конечно, теоретичнее Музония. Важные стоические технические термины (гносеологические и этические), которые использовал Музоний, встречаются не только в «текстах Лукия», но и в текстах из Эпиктета. Таковы, в частности, первостепенно важные для Эпиктета темы «правильного пользования представлениями» и «зависящего и не зависящего от нас» (*χρήσις τῶν φαντασιῶν; τὰ ἐφ’ ἡμῖν, τὰ οὐκ ἐφ’ ἡμῖν – Музоний XXXVIII*). В этой связи встает вопрос, на который трудно ответить: не приписывает ли Эпиктет свою излюбленную терминологию Музонии²⁶?

Физика интересует Музония столь же мало, как и Эпиктета, и лишь в том отношении, что она показывает нерушимость причинно-следственных связей и тем важна для этических выводов (XLII). Теоретической этике уделено несколько больше внимания, но и здесь Музоний лишь бегло пересказывает стоические догмы. Только добродетель – благо, только порок – зло, все прочее безразлично (VI). Человеку «от природы присущи стремление и склонность к добродетели» (*ῥεξις καὶ οἰκείωσις φύσει πρὸς ἀρετὴν – III p. 9, 8–9 Hense*)²⁷. Благодаря этому он в принципе способен жить добродетельно, если справится с ошибочными представлениями (II; XI). Теоретическая аскеза чуть намечена: тот, кто хочет жить добродетельно, должен принимать свою участь с покорностью судьбе (XLIII), повсюду чувствовать себя как дома (IX) и постоянно заботиться о своем интеллектуально-нравственном здоровье (философия, в сущности, и есть забота о нем: *τὸ φιλοσοφεῖν καλοκαγαθίας ἐπιτήδευσις – VIII p. 38, 15–16 Hense; ср. XXXVI*).

Добродетель же, как и знание, бывает теоретической и практической (II), и эта последняя интересует Музония больше всего. Поэтому основное место в учении занимает аскеза, представленная подчеркнута практически. Именно в этом уточняющем смысле нужно понимать названия некоторых рассуждений: «Об упражнении в добродетели» (VI), «О том, что следует презирать

²⁶ О тематическом и терминологическом сходстве Музония и Эпиктета см.: *Laurenti R. Musonio, maestro di Epitteto // ANRW II 36, 3. P. 2105–2146*.

²⁷ Все это важные технические термины. Использование термина *οἰκείωσις* позволяет наметить параллель с «Философуменами» Гиерокла (col. I 2 сл.), где основы этики, а затем и конкретные нравственные обязанности выводятся (в соответствии с раннестойческой догмой) из первичной природной склонности (*πρῶτον οἰκείον*) живого существа. См.: *Isnardi Parente M. Ierocle stoico. Oikeiosis e doveri sociali // ANRW II 36, 3. P. 2201–2226*. О терминологии, общей для Музония, Эпиктета и Марка Аврелия, см.: *Bénatouil T. Les Stoiciens III: Musonius, Épictète, Marc Aurèle. P., 2009*.

трудности» (VII). Сужение философии до уровня практической дисциплины, вроде врачевания или игры на музыкальных инструментах (V), показывает, по мнению Поленца, «как мало постиг Музоний дух стоического учения»²⁸. Однако «дух Стои» эволюционировал тогда именно в этом направлении. В аскетической программе Музония вполне очевидны кинические мотивы, обычные для Стои и особенно характерные для Эпиктета²⁹.

Реальная добродетель – плод не столько отвлеченного научения, сколько привычки и упражнения: рассудочное усвоение догм должно укрепляться подражанием, а образцом для подражания должен быть личный пример: «Разве дело, скажет кто-нибудь, чтобы человек образованный и способный обращать молодых к философии обрабатывал землю и занимался телесным трудом, словно какой-нибудь крестьянин? Да, было бы действительно ужасно, если бы обработка земли мешала ему заниматься философией или побуждать других к занятиям философией. Но коль скоро это не так, то ученикам, представляется мне, гораздо полезнее встречаться со своим наставником не в городе, где они слушают его отвлеченные рассуждения, а видеть, как он работает в поле, собственным трудом доказывая то, что говорит философское рассуждение, – а именно, что следует переносить тяготы и страдания, ощущаемые собственным телом» (XI р. 62, 4–15 Hense). Сам Музоний, в отличие от Цинцинната, видимо, не занимался сельским трудом, но ход его мыслей понятен.

Теория необходима лишь как точка отсчета, как то, с чем сверяется действие, но для жизни практический навык (ἔθος) важнее: «В настоящих делах он вернее ведет человека, чем теоретическое наставление» (V р. 22, 1–3 Hense). Практические советы просты: регулярный труд, достойная семейная жизнь, правильное воспитание детей, умеренная (лучше растительная) пища, скромные и опрятные жилища, одежда, а также общий внешний вид (XIII–XXI).

Влияние и образ. Если мы зададимся вопросом, на кого (помимо Эпиктета или Лукия и Поллиона) могла оказать непосредственное влияние программа Музония, то конкретных и несомненных адресатов не найдем. Вполне возможно, что она была известна христианским авторам – особенно ранним, которые широко использовали паренетическое наследие Стои. Музония знал Юстин. Не исключено, что какие-то парафразы из Музония использованы в «Педагоге» Климента Александрийского, но доказать это невозможно³⁰. Собственно, это весь диапазон предположений.

Теоретический багаж Музония, как мы видели, более чем скромнен. Поэтому слова Филострата: «Музоний, как говорят, в философствовании превосходил всех» (Жизнь Аполлония Тианского IV 46) – к теоретическому его наследию применить нельзя. Возможно, Филострат имел в виду иное.

²⁸ Pohlenz M. *Die Stoa*. 2. Aufl. Bd. 1. Göttingen, 1955. S. 300.

²⁹ Попытки найти какую-то особую римскую аскетическую парадигму, конечно, наивны. Р. Валантасис (*Valantasis R. Musonius Rufus and Roman Ascetical Theory // Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 1999. Vol. 40) на непонятных основаниях объявляет Музония «первым западным автором» аскетического толка (Р. 208, 210), хотя при этом считает его периферийной фигурой западной аскетики (Р. 212) и представителем кинизма имперского периода (Р. 230).

³⁰ Вслед за Вендландом (*Wendland P. Quaestiones Musonianae*. В., 1886) у многих возникло желание искать некое утраченное сочинение Музония, якобы использованное в «Педагоге» (этому, в частности, посвящена статья Паркера – см. выше, примеч. 8; ср.: *Hense O. C. Musonii Rufi Reliquiae*. Р. VI–VIII). Но уже фон Фритц (*Fritz K. von. Musonius*. Sp. 896) разумно предостерегал от поспешных выводов, указывая, что Климент мог заимствовать паренетическую тематику у весьма многих авторов.

Лучше, если то, о чем говорит император Юлиан: «Музоний стал знаменитым потому, что мужественно переносил страдания и с истинной выдержкой встречал жестокость тиранов» (К Фемистию философу 11). А еще лучше – то, что говорит Дион Хрисостом (если все же предположить, что философом, порицавшим афинян за кровавые зрелища, был именно Музоний): «По происхождению он не уступал никому из римлян, пользовался известностью большей, чем кто-либо за долгие времена, и, как считают, после древних жил в наибольшем согласии со своим учением» (Речи XXXI 122).

Сопоставления и соположения Музония с Сократом следует оставить на совести тех, кто их делал. Если Юлиан (Письма 16) просто упоминает Сократа и Музония как примеры для сравнений, не проводя между ними никаких параллелей, то Ориген (Против Кельса III 66) идет несколько дальше: Музоний и Сократ – люди, своими силами достигшие нравственного совершенства (правда, перед ними Ориген упоминает в таком же качестве Геракла и Одиссея, нравственность которых, мягко говоря, сомнительна). Смысл тут может быть только в одном: верность идеям была пластически и совершенно стоически выражена в жизни Музония, и он, конечно, не был тем «эkleктичным пользователем стоицизма», каким его и Сенеку считал А.А. Лонг³¹.

Умение американцев преподносить философский, исторический и другой материал, доступный пониманию массового читателя, в виде поучительных рецептов ведения бизнеса и достижения успеха усвоили и предприимчивые европейцы. Из недавнего можно упомянуть, например, выполненную Рональдом Леонхардтом подборку цитат из Сенеки, убеждающую, что в бизнесе сдаваться никогда не нужно³².

Профессор Калифорнийского университета в Сан-Франциско Джеймс Диллон смотрит на вещи несколько шире. В числе прочего написал книгу «Иисус как учитель»³³. Через некоторое время внимание Диллона обратилось на Музония и тоже нашло воплощение в книге³⁴. Сам факт, что от Иисуса Христа он решил обратиться именно к Музонию, конечно, примечателен, ибо такую эволюцию не проделывал, видимо, больше никто. Музоний – надо отдать должное автору – приспособлен здесь все-таки не для интересов бизнеса, а рассматривается в перспективе психологии поступка и психологии образования. Вот чем Музоний привлекает Диллона как человек, чья жизнь не расходилась с его учением. 1) Музоний был не кабинетным философом, а активным участником жизни, в том числе (а порой прежде всего) общественной. За это он пострадал, но стойко перенес невзгоды. 2) На своем опыте он помогал понять, каковы реалии и задачи повседневной жизни, как к ним нужно относиться и что вообще значит жить достойно. 3) Плоды своего жизненного и умственного опыта он преподавал искусно и доходчиво, с помощью метода вопрос/ответ, чем напоминал Сократа. Кружок Музония дает наглядное представление о том, как строилось римское философское образование. Главное же 4) в том, что истинность

³¹ Long A.A. *Stoic Studies*. Berkeley; Los Angeles. 2001. P. 104.

³² Leonhardt R. *Seneca – Praktische Philosophie für Manager*. Wiesbaden, 2002 (2. Aufl., 2012); как сказано в аннотации, «для менеджеров, которые в силу служебного положения ежедневно сталкиваются с проблемами мотивации своих действий и необходимостью оценивать свои решения».

³³ Dillon J.T. *Jesus as a Teacher. A Multidisciplinary Study*. San Francisco, 1995; содержание этого труда столь мультидисциплинарно, что передать его в немногих словах затруднительно.

³⁴ Dillon J.T. *Musonius Rufus and Education in the Good Life. A Model of Teaching and Living Virtue*. Lanham (Md.), 2004.

своих рекомендаций Музоний старался подтверждать примерами, прежде всего личным примером (как, в конечном счете, и Сократ), в духе старинного изречения *concordet sermo cum vita*³⁵.

* * *

Сторониться опасных вершин, не опускаться совсем уж низко и, главное, во всех перипетиях жизни оставаться самим собой, то есть хранить верность принципам, привязанным к апробированной системе ценностей, – вот позиция Музония. Назвать это стоической стойкостью или просто порядочностью – не суть важно. Но именно благодаря этому только и мог Музоний приобрести тот нравственный авторитет, которым, несомненно, пользовался среди просвещенной римской публики и даже среди христианских авторов, а также, как ни удивительно, пользуется до сего времени³⁶.

Если среди его наставлений выбрать единственно верное для всех обстоятельств, то оно будет таким: *Οὐκ ἔστι τὴν ἐνεστηκυῖαν ἡμέραν καλῶς βῶναι μὴ προθέμενον αὐτὴν ὡς ἐσχάτην* – «Не проживешь сегодняшний день достойно, если не представишь его последним днем в твоей жизни» (XXII p. 19, 2–3 Hense).

Список литературы / References

- Arnold, E. V. *Roman Stoicism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1911. 482 pp.
 Bénatouil, T. *Les Stoïciens*, III: Musonius, Épictète, Marc Aurèle. Paris: Les Belles Letters, 2009. 240 pp.
 Bultmann, R. *Der Stil der paulinischen Predigt und die kynisch-stoische Diatribe*, 2. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1984. 110 S.
 Capelle, W. *Epiktet, Teles und Musonius*. Zürich: Artemis, 1948. 336 S.
 Dillon, J. T. *Musonius Rufus and Education in the Good Life. A Model of Teaching and Living Virtue*. Lanham, Maryland: University Press of America, 2004. 103 pp.
 Dottarelli, L. *Musonio L'Etrusco. La filosofia come scienza di vita*. Viterbo: Annulli Editori, 2015. 176 pp.
 Festugière, A. J. (trad.) *Deux prédicateurs de l'antiquité. Télès et Musonius*. Paris: J. Vrin, 1978. 132 pp.
 Fritz, K. von. "Musonius", *RE* XVI, 1, 1933, Sp. 893–897.
 Geytenbeek, A. C. van. *Musonius Rufus and Greek Diatribe*. Assen: Van Gorcum & Co., 1963. 203 pp.
 Goulet-Cazé, M.-O. "Musonius Rufus", *DPhA* IV, 2005, pp. 555–572.
 Hense, O. C. *Musonii Rufi Reliquiae*. Leipzig: B. G. Teubner, 1905. 149 pp.
 Isnardi Parente, M. "Ierocle stoico. Oikeiosis e doveri sociali", *ANRW* II, 36, 3, 1989, pp. 2201–2226.

³⁵ Ibid. P. V–VI, VIII, 86–87, 91–92. Примерно в том же духе, насколько можно судить по аннотациям в Интернете, написана книга Лучано Доттарелли (*Dottarelli L. Musonio L'Etrusco. La filosofia come scienza di vita*. Viterbo, 2015), презентация которой прошла в мае сего года. Сам Доттарелли – не только преподаватель философии, но, самое главное, мэр Больсени, т. е. Вольсиний, родины Музония, и осознающий это последнее обстоятельство. В данном случае мы, почти несомненно, имеем дело с итальянским историко-философским краеведением.

³⁶ Помимо уже указанных ракурсов можно упомянуть еще один. Поскольку суждения и наставления Музония в равной мере относятся к женщинам, он заслужил определенные феминистские симпатии. См., например: *Nussbaum M. C. The Incomplete Feminism of Musonius Rufus, Platonist, Stoic and Roman // The Sleep of Reason. Erotic Experience and Sexual Ethics in Ancient Greece and Rome*. Chicago (Ill.), 2002. P. 288–326.

Jagu, A. *Musonius Rufus. Entretiens et Fragments. Introduction, traduction et commentaire*. Hildesheim; New York: G.Olms, 1979. 113 pp.

Laurenti, R. "Musonio, maestro di Epitteto", *ANRW* II, 36, 3, 1989, pp. 2105–2146.

Laurenti, R. *Musonio Rufo. Le diatribe e i frammenti minori*. Roma: Signorelli, 1967. 95 pp.

Leonhardt, R. (Hrsg.) *Seneca – Praktische Philosophie für Manager*, 2. Aufl. Wiesbaden: Springer, 2012. 126 S.

Long, A.A. *Stoic Studies*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2001. 310 pp.

Lutz, C.E. "Musonius Rufus, 'The Roman Socrates'", *Yale Classical Studies*, 1947, vol. 10, pp. 5–147.

Marquardt, J. und Mommsen, Th. *Handbuch der römischer Alterthümer*, Bd. IV: Römische Staatsverwaltung. Leipzig: S. Hirzel, 1873. 598 S.

Nussbaum, M.C. "The Incomplete Feminism of Musonius Rufus, Platonist, Stoic and Roman", *The Sleep of Reason. Erotic Experience and Sexual Ethics in Ancient Greece and Rome*, ed by M.C. Nussbaum & J. Sihvola. Chicago, Ill.: University of Chicago Press, 2002, pp. 288–326.

Olshausen, E. "Der Stoiker C. Musonius Rufus – ein Pazifist? Überlegungen zu Tac. Hist. 3,81,1", *IÖAKH. Festschrift für Jörg Schäfer zum 75. Geburtstag*, hrsg. von S. Böhm und K.-V. von Eickstedt. Würzburg: Ergon, 2001. S. 249–255.

Oltramare, A. *Les Origines de la Diatribe romaine*. Lausanne: Payot, 1926. 315 pp.

Parker, Ch.P. "Musonius Rufus in Clement", *Harvard Studies in Classical Philology*, 1901, vol. 12, pp. 191–200.

Peerlkamp, J.V. *C. Musonii Rufi Philosophi Stoici Reliquiae et Apophthegmata*. Harlem: Apud viduam Adriani Loosjes P.F., 1822. 428 pp.

Pohlenz, M. *Die Stoa. Geschichte einer geistigen Bewegung*, 2 Aufl., Bd. 1. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1955. 490 S.

Ramelli, I. *Musonio Rufo. Diatribe, frammenti e testimonianze*. Milano: Bompiani, 2001. 357 pp.

Schenkl, H. (ed.) *Epicteti Dissertationes ab Arriano digestae*. Leipzig: B.G. Teubner, 1916. 742 pp.

Valantasis, R. "Musonius Rufus and Roman Ascetical Theory", *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, 1999, vol. 40, pp. 207–231.

Wendland, P. "Philo und die kynisch-stoische Diatribe", in: P. Wendland und O. Kern, *Beiträge zur Geschichte der griechischen Philosophie und Religion*. Berlin: Reimer, 1895. S. 1–75.

Wendland, P. *Quaestiones Musonianae*. Berlin: Mayer & Mueller, 1886. 66 S.

Gaius Musonius Rufus. An outline of the portrait of a Roman intellectual in the Claudian and Flavian era

Alexander Stoliarov

DSc in Philosophy, Leading Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: a.stoliarov@mail.ru

Gaius Musonius Rufus was a Roman Stoic philosopher of the 1st century AD who, despite being a less-known figure, for his importance can be compared with Seneca, Hierocles, Epictetus (who was Musonius' disciple) and Marcus Aurelius. He first engaged in the study of philosophy in Rome during Nero's reign and, after being exiled in 65, came back to Rome after Galba's ascent to power; at some time in the 70s he had to go to exile again, to be back only after the death of Vespasian. Like many other representatives of the Late Stoa, Musonius paid little attention to the theoretical side of the Stoic doctrine, concentrating mostly on practical ethics, namely, the so-called paraenetic, or moralistic discourse, a discipline which eventually exerted great influence of European moral philosophy.

Musonius advises on how one should behave in a given situation, parting from the positive assumption that a human being is born with a proclivity for virtuous life and a capacity of goodness. The present paper follows Musonius' life and teaching through the events of Roman history and public life; as a result, one gets a more complete understanding of his character and thinking (and also of the reasons why it became influential), as well as of the common background of Roman, in particular Stoic, philosophy of the 1st century. A paradigmatic Roman intellectual, Musonius contributed to shaping that idea of a dignified way of life which dominated European consciousness ever since; his own example gave proof of his adherence to the principles he believed to be true.

Keywords: Roman history, Stoic philosophy, Late Stoa, practical ethics, Seneca, Hierocles, Epictetus, Marcus Aurelius